

ЭХО АРАБСКОЙ ВЕСНЫ В СТРАНАХ АЗИИ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА*

Андрей Витальевич Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт востоковедения РАН

Елизавета Михайловна Соковнина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Анастасия Олеговна Шадрова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Арабская весна, безусловно, выступила в качестве триггера глобальной волны социально-политической дестабилизации, значительно превысившей масштабы самой Арабской весны и затронувшей абсолютно все мир-системные зоны, включая страны Азии¹. На основе проведенного в данном исследовании анализа можно прийти к выводу, что в Азиатском регионе наблюдалось две волны дестабилизации, вызванной Арабской весной. Первая началась в 2011 г. и была связана с чередой мирных протестов, имевших ряд схожих черт с революциями на Ближнем Востоке по своим организационным формам и способам коммуникации. Вторая волна, в свою очередь, пришла на период с 2012 по 2014 г., когда протестные движения в Азии уже стали развиваться по собственным сценариям, добавляя в повестку выступлений локальные недовольства. Кроме того, она была сопряжена с резким ростом террористической активности в результате ослабления нескольких авторитарных режимов на Ближнем Востоке и появления централизованных террористических организаций. Этими организациями, в свою очередь, приносили присягу исламистские группировки в странах Азии с высоким процентом мусульманского населения. Террористическая активность проникала в Азию по разным каналам: через интернализацию джихадистских установок военизированными группировками, интернет-пропаганду ИГИЛ², а также через беженцев и возвращающихся в регион джихадистов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-18-00155).

¹ Стоит отметить, что Азиатский регион в нашей работе – это та часть Азии, которая не включает в себя Ближний и Средний Восток.

² Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

Введение

Все мы не могли не заметить, что в 2011 г. в мире вообще (а в арабских странах в особенности) происходили масштабные политические изменения. Всю планету охватила необычно мощная протестная волна, и основная ее часть пришлась на Ближний Восток, в особенности на арабские страны. Датой начала Арабской весны принято считать 17 декабря 2010 г., когда молодой безработный тунисец Мохаммед Буазизи совершил самоожжение в провинциальном городке Сиди-Бузиде. Это событие запустило в Тунисе нарастающую волну протестов, закончившуюся неожиданно быстрым крушением режима президента Зина аль-Абидина Бен Али. Считается, что главной причиной успеха революции стал обнаружившийся внутриэлитный конфликт между непривилегированной армией и привилегированными силами безопасности, которые находились под особой опекой президента (Nepstad 2011). В результате армия встала на сторону протестующих, что привело к падению авторитарного режима в Тунисе (данные события стали позднее известны как «жасминовая революция»). Удивительно быстрое свержение Бен Али подтолкнуло светских лидеров молодежных движений в Египте и в некоторых других арабских странах к организации масштабных акций протеста у себя на родине, в основном при помощи широкого использования социальных сетей. Таким образом, внезапно начавшиеся молодежные протесты в Египте спровоцировали лавину, которая привела к падению режима Хосни Мубарака (см.: Гринин и др. 2015; Korotayev, Zinkina 2011; Korotayev *et al.* 2016).

Эти события подняли волну дестабилизации во всем арабском мире, признаки которой, однако, были заметны уже непосредственно после быстрой победы тунисской революции. Масштаб дестабилизации в конкретных странах зависел прежде всего от того, насколько там присутствовали соответствующие для нее условия, такие как внутренний конфликт среди элиты, режим авторитарного типа, наличие непривилегированных категорий населения (за исключением трудовых мигрантов), высокая безработица среди молодежи (особенно с высшим образованием) и т. д. (см., например: Васильев 2011; Гринин и др. 2015; Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б;

2012; Коротаев, Ходунов 2012; Коротаев и др. 2012; Holmes 2012; Beck 2014; Beissinger *et al.* 2015; Goldstone 2011; 2014a; 2014b; Lang, Sterck 2014; Korotayev *et al.* 2011; 2013; Korotayev *et al.* 2014; Grinin, Korotayev 2011; 2012; Howard, Hussain 2013; Moore 2012; Weyland 2012; Wilson 2013). В некоторых случаях (особенно в Ливии и Сирии), важную роль сыграли внешние дестабилизирующие воздействия. Исследователи отмечают, что революционная диффузия, с которой распространялась Арабская весна, была вызвана скорее потрясениями международного, а не местного характера (Gunitsky 2014; 2018). Именно внешние причины оказывали влияние на мобилизацию новых протестных групп. Правительства же в данном случае могли применять тактики контрдиффузии для препятствования формированию мобилизационных сетей через какие-либо каналы связи (Koesel, Bunce 2013).

Зачастую исследователи, изучающие различные формы социально-политической дестабилизации, строят объяснительные модели на внутренних процессах, протекающих внутри страны или региона, игнорируя при этом внешние факторы. Например, объясняя протесты в Азии, политологи часто ссылаются на экономический кризис и кризис демократической легитимности, не уделяя должного внимания дестабилизирующему эффекту Арабской весны. Здесь стоит упомянуть, что тяжелая экономическая ситуация в мире в январе-феврале 2011 г. вызвала инфляцию, то есть рост цен на сельскохозяйственную продукцию. В свою очередь, именно инфляция стала одним из факторов, спровоцировавших социально-политическую дестабилизацию в регионе Ближнего Востока (Коротаев, Зинькина 2011a; 2011б). Данный аспект придал движению массовость, так как к протестам присоединились бедные слои, непосредственно пострадавшие от роста цен. Помимо Ближнего Востока, влияние инфляции испытали и другие регионы, в частности Азия, в которой также произошел рост цен на продукты первой необходимости. Таким образом, общественное недовольство в регионе на фоне экономической нестабильности спровоцировало политический кризис (Sternberg 2012).

Учитывая важность национального контекста, социально-экономических особенностей и локальных причин возникновения протестной активности, можно предположить, что революции в араб-

ских странах оказали существенное влияние на социально-политическую дестабилизацию в странах Азии.

Наиболее выражены последствия Арабской весны проявились в Китае, где молодежные протесты 2011 г. очень напоминали тунисскую «жасминовую революцию». Однако исследователи солидарны в том, что протесты в Китае, несмотря на схожие тактики организации и методы, не спровоцировали широкого интереса и не смогли превратиться в широкомасштабную революцию (Hess 2013).

Распространение протестного движения в Китае имело общие черты с событиями Арабской весны и также началось через обмен сообщениями в Интернете с призывами к проведению «жасминовой революции» (Mercurynews.com 2011). Проживающие за границей диссиденты через оппозиционный сайт Voxup.com стали призывать население к свержению режима; позже, по опыту Арабских стран, был задействован *Twitter* (Hille 2011). Несмотря на осуществленную китайскими властями блокировку определенных веб-сайтов, активисты смогли адаптироваться к этим условиям и обойти ограничения (Fallows 2011; Hess 2013). Главной стратегией оппозиционного движения являлись отказ от оружия, насилия и использование мирных средств в качестве формы выражения протеста (Clemm 2011). Протестующие держали в руках цветы жасмина или включали на мобильных телефонах традиционную песню про жасмин, тем самым подчеркивая важность национально-исторического компонента в своих выступлениях. По мнению организаторов, это должно было помочь людям открыто и без страха критиковать действующее однопартийное правительство.

В остальных странах Азии эхо Арабской весны проявлялось не так масштабно и ярко выражено. Во Вьетнаме в феврале 2011 г. был арестован известный оппозиционер Нгуен Дан Кью, который на примере событий Арабской весны распространял в Интернете призывы к свержению правительства и созданию нового демократического и свободного государства (Mason 2011). Однако протестные движения во Вьетнаме не получили широкого распространения.

Несмотря на то, что Вьетнам не копировал события Арабской весны, в 2011–2012 гг. в стране наблюдался всплеск протестных движений, весьма нехарактерный для коммунистического строя.

Так, например, в июне 2011 г. сотни людей вышли на улицу и устроили демонстрацию перед китайскими дипломатическими представительствами, протестуя против китайского вторжения на спорные территории в Южно-Китайском море (Vandenbrink 2014). Хотя тема влияния Арабской весны на события во Вьетнаме до сих пор тщательно не изучена специалистами, существует косвенные доказательства связи всплеска протестных движений с событиями в арабском регионе. Протестующие во Вьетнаме распространяли информацию через социальные связи, в том числе через *Twitter*, и требовали справедливости от правительства. Дж. Чорчари и Дж. Вайс рассматривали опасность националистических движений в странах, где отсутствуют демократические свободы, и подчеркивали, что чем авторитарнее государство, тем сложнее ему справиться со всплеском национализма (Cioşciagi, Weiss 2016). Однако в данном исследовании не рассматривалась связь Арабской весны с событиями в Азии.

В других азиатских странах, например в Северной Корее, также проходили протесты, о которых сообщали южнокорейские военные. Они сбрасывали листовки с информацией о протестах в Египте и Ливии в Северной Корее, стремясь спровоцировать политические перемены в КНДР. Центральное информационное агентство Кореи сообщило, что КНДР пригрозила предпринять военные действия, если Южная Корея продолжит сбрасывать листовки, разжигающие восстание (Kim 2011; Yang 2011).

В феврале 2011 г. в Мьянме началась кампания протеста, подражающая египетскому сценарию. Она также координировала свою деятельность на странице в *Facebook* под названием «Просто сделай это против военной диктатуры» (Kaung 2011). Антиправительственные материалы распространялись в нескольких местах по всей стране, включая Мандалай и Таунджию. В протестном движении приняли участие более 1000 активистов (*Ibid.*).

Помимо этого, прослеживается прямая связь между событиями в Арабском регионе и протестными движениями на Мальдивах, происходившими в 2011–2012 гг. (Salam 2015). Мальдивские протесты происходили во время событий Арабской весны и развивались по схожему сценарию. Оппозиционное движение выступало против повышения цен и плачевной экономической ситуации в стране. Митинги и нарастающее общественное недовольство

привели к отставке действующего правительства Нашида в феврале 2012 г. Президента Нашида в международном сообществе называли «крестным отцом Арабской весны», поскольку его приход к власти через общественные протесты и свержение правительства в 2008 г. имел схожие черты с событиями в Арабском регионе (Sattar 2012). Однако спустя три года экономической рецессии правительство Нашида показало свою неэффективность и под давлением протестов было вынуждено уйти в отставку.

След Арабской весны исследователи находят и в протестах в Малайзии, начавшихся в июне 2011 г. В этой стране с преимущественно мусульманским населением за событиями Арабской весны наблюдали с пристальным интересом. В социальных сетях население Малайзии активно выражало поддержку новым режимам в Египте и Тунисе (Вакаг 2012). Оппозиционные партии в Малайзии организовывали митинги в поддержку новым режимам в Египте, Тунисе и Ливии. К примерам всплеска общественного недовольства в Малайзии можно отнести митинг за честные и открытые выборы Берси 2.0 в июле 2011 г., крупное демократическое протестное движение Берси 3.0 и народное восстание в январе 2013 г. (Postill 2014). Основной чертой этих протестов стало использование социальных сетей *Facebook* и *Twitter* в качестве главных площадок для коммуникации выступающих (Radue 2012). Более того, исследователи подчеркивают, что чрезмерное употребление силы со стороны государства привело в Малайзии, как и в Тунисе и Египте, к еще большей кросс-этнической и межпоколенческой солидаризации населения (Khoо 2014). Также, по мнению исследователей, события Арабской весны укрепили связи между Малайзией, Египтом и Тунисом, что выразилось в увеличении численности малайзийских студентов, учащихся в этих странах, и притоке туристов из арабских стран в Малайзию (AlBattat *et al.* 2012).

Необходимо также учитывать, что Арабская весна повлияла на многочисленные движения *Occupy*, родоначальником которых стало протестное выступление в США *Occupy Wall Street*, быстро распространившееся в различных странах Запада (Sergi, Vogiatzoglou 2014). Участники вышеупомянутого движения напрямую заявляли, что протесты в арабских странах стали для них источником вдохновения (Slaughter 2011). Дж. Хаммонд, И. Абушариф, Д. Скиннер указывают на сходства в методах ведения протестов движений *Oc-*

сипу и протестов Арабской весны (Abusharif 2014; Hammond 2015, Skinner 2011). К ним относятся, например, длительная оккупация больших территорий (в особенности главных площадей города) многочисленной группой протестующих. Также можно отметить сходство в лозунгах, которые использовали как арабские протестующие, так и участники движений *Осципу*. В повестку протестов в обоих случаях входили требования социальной и экономической справедливости и реальной демократии, а также агрессивная антиправительственная риторика (Vogaert 2013). Помимо этого, влияние Арабской весны на движения *Осципу* проявилось и в использовании социальных сетей в качестве площадок для мобилизации и поддержания связи между протестующими. Для этого, как и в Тунисе и Египте, активисты на Западе активно использовали хэштеги в *Facebook* и *Twitter* (Kavada 2017; Kerton 2012).

Исключение не составил и регион Азии, в котором проходили протесты *Осципу*. Наиболее ярко выраженными стали движения в Индонезии (2011 г.), Непале, на Тайване (студенческое «Движение подсолнухов», 2014 г.) и в Гонконге («Движение зонтиков», 2014 г.) (Huat 2017).

Протесты в Индонезии в сентябре-октябре 2011 г. проходили по сценарию *Осципу Wall Street* и начались с публикаций с призывом к действию в группах *Facebook* (Oman-Reagan 2013). В частности, события в Джакарте и забастовки шахтеров в Западной Папуа являются следствием активной деятельности индонезийских киберактивистов. В 2011 г. в результате протестов против деятельности Америки по разработке угольных месторождений было арестовано 14 человек (Amnesty International 2011). Правительства США и Индонезии рассматривали протесты как угрозы коллективной безопасности государств и относили участников движения *Осципу* к террористам (Coll 2012).

Япония также не осталась в стороне и выразила свою солидарность с *Осципу Wall Street*, апеллируя к экономическому неравенству в стране и выражая свое мнение через слоган “The 99 %” (Saito 2012). В октябре протесты *Осципу Токио* прошли в трех районах столицы, однако движение не приобрело достаточной популярности у населения и продлилось только день, что объясняется актуальностью другого протестного движения, связанного с аварией на Фукусиме.

Индия, в свою очередь, представляет собой феномен «слабого эха» Арабской весны. С одной стороны, часть индийцев поддерживала идеи свободы, самоуправления, которыми руководствовались участники антикоррупционных протестов в 2011 г. С другой стороны, Индия имела свои политические, энергетические интересы в Египте, Тунисе, Йемене, Ливии (Kumaraswamy *et al.* 2012). Таким образом, индийским ответом на протесты в этих странах была «стратегическая тишина» на протяжении 2011 г., заключающаяся в обеспокоенности судьбой граждан Индии в местах, охваченных протестами, но неучастие в самом движении. Тем не менее некоторые исследователи отмечают влияние Арабской весны на антикоррупционные протесты в Индии. А. Нигам считает, что общее между движениями *Occupy* и индийскими протестами – это лозунги против коррупции (Bhrashtahar Bharat Choro – Corruption Quit India!), которые смогли мобилизовать различные слои населения (Nigam 2012). П. Вербнер утверждает, что движение в Индии получило название *August Spring* вслед за *Arab Spring* (Werbner *et al.* 2014), а А. Монтуори, в свою очередь, полагает, что протесты в Индии резонировали с общей волной социально-политической дестабилизации, начавшейся после выступлений в Египте и Тунисе, и показали креативность и солидарность, которые выработали гражданские общества этих стран в борьбе против эксплуатации и коррупции (Montuori 2013). Несмотря на это, влияние Арабской весны на протесты в Индии 2011 г. неочевидно, так как, во-первых, существует крайне ограниченное количество исследований о связи двух явлений, а во-вторых, эти работы не предоставляют обоснованных доказательств преемственности событий.

Эхо Арабской весны в Индии проявилось гораздо сильнее в декабре 2012 г., когда в столице страны Нью-Дели и в нескольких других городах распространилось движение *Nirbhaya*. Это движение было также децентрализовано, как и *Occupy Wall Street*, и привлекло людей разных идеологий и социальных классов (Castells 2012). Причиной стали действия насильственного сексуального характера группы людей в отношении молодой женщины и, как следствие, требования сурового наказания и более жесткого законодательства в этой сфере. Также были выдвинуты обвинения против несправедливости в отношении жертв сексуального насилия

(Harris, Kumar 2015; CNN 2013). Протестная инфраструктура уже была сформирована в результате антикоррупционных протестов 2011 г. и использовалась во второй раз. Протест в Индии заимствовал тактику использования социальных сетей *Twitter* и *Facebook*, так как именно в них происходили мобилизация и координация участников и распространение информации с помощью хэштэгов (Ahmed, Jaidka 2013). Таким образом, говорить об эхе Арабской весны в Индии можно только после 2011 г.

Протесты в Непале в декабре 2012 г., известные также как *Oscipy Baluwatar*, отличались мирным характером действий и уникальной повесткой, отличающейся от остального движения *Oscipy*. Основным ориентиром участников данного протеста являлось выступление в Индии *Nirbhaya* (Kumar, Jacobsen 2016). Вдохновившись движением в Индии, контингент протестующих в Катманду в лице студентов и молодежи вышел на улицы против акта изнасилования по отношению к женщине-мигрантке, совершенного полицейским. Примечательно, что, сфокусировавшись изначально на одном кейсе, демонстранты впоследствии расширили повестку до противодействия жестокости в отношении женщин, безнаказанности насильников и бессилия властей (Dewan 2014). Координация протеста совершалась как через электронную почту, так и через социальную сеть *Twitter*. Помимо этого, протестующие использовали креативные техники вроде создания интерактивного сайта, плакатов с целью привлечения молодой аудитории и повышения солидарности внутри движения.

Важно отметить, что проблематика связи Арабской весны с протестным движением в Азии слабо изучена специалистами, и движение *Oscipy* в основном рассматривается с историко-политической точки зрения. Так, например, С. Ортманн в своем исследовании о «революции зонтиков» в Гонконге в 2014 г. в качестве основных причин протестных демократических движений выделял медленный процесс демократических реформ, обусловленный правящей элитой и раздробленностью демократического движения в Гонконге начиная с 1980-х гг. (Ortmann 2015).

Также исследователи отмечают «Движение подсолнухов» в Тайване в 2014 г., для которого была характерна разобщенность политических элит и стратегий движения (Ho 2015). Хо утверждает, что «Движение подсолнухов» возникло из-за тактической ошибки пра-

вительства, создавшего видимость серьезной угрозы вследствие будущих экономических отношений с Китаем, тем самым спровоцировав волну протестных движений.

Получается, что влияние Арабской весны на протестные движения в Азиатском регионе носило комплексный характер. Участники протестов 2011–2012 гг. во многом обращались к опыту участников Арабской весны, заимствуя их организационные тактики, а именно мобилизацию протестующих через социальные сети. Многие акции были направлены на выражение поддержки протестующим в странах Ближнего Востока. Повестка же протестной активности в странах Азии включала как недовольство мерами экономики, высоким уровнем безработицы и низким уровнем жизни в целом, так и неудовлетворенность правительством и политическим устройством.

С 2014 г., в особенности после возникновения «Исламского государства» (запрещено в России), влияние Арабской весны стало в большей степени косвенным посредством диффузии в Азию террористической активности, запущенной Арабской весной через ряд медиаторных механизмов. Одним из последствий Арабской весны оказался коллапс или резкое ослабление нескольких достаточно эффективных авторитарных режимов (Ливия, Сирия, Йемен, в некоторой степени Египет) (Васильев и др. 2014; Гринин и др. 2015; Ибрахим и др. 2013). Это, в свою очередь, привело к формированию условий для деятельности различных террористических организаций, стремительному росту их силы, влияния и эффективности организационных форм (Schumacher, Schraeder 2019). Однако в регионе Юго-Восточной Азии террористические организации стали появляться еще с 2012 г. на фоне усиления исламистского радикализма и его внедрения в политические протесты.

Деятельность ИГ не ограничилась территориями Сирии и Ирака – на верность ей присягнули террористические группировки как в арабском мире (Ливия, Йемен, Тунис, Алжир, Иордания), так и в исследуемой части Азии (Филиппины, Индонезия, Малайзия) (Гринин и др. 2015; Мещерина 2016; Рогожина 2016; Jalalzai 2015; Lefevre 2014; Weiss, Hassan 2016; Wolf 2013).

С 2012 г. протестная волна в Азии постепенно идет на спад и при этом совмещается с волной терактов, совершенной по большей части группировками, связанными с глобальными исламистскими

террористическими сетями. В 2012 г. произошел ряд крупных террористических атак: в Индии (атаки на израильских дипломатов в Дели и серия из четырех взрывов в Пуне), в Таиланде (серия взрывов в Бангкоке, Яле и Хат-Яй), в Китае (попытка угона самолета по маршруту Хотань – Урумчи, атака в Еченге) и т. д. (Chauhan 2012; Byatnal, Joshi 2012; Wongruang 2012; Roughneen 2012; Areddy 2012; Wong 2012). В 2013 г. теракты происходили в Таиланде, Китае, Индии, Индонезии, Таиланде, на Филиппинах, в Малайзии, Мьянме.

Группы боевиков на Филиппинах стали первыми, кто присягнул ИГ в сентябре 2014 г. Две крупные группировки мусульманских меньшинств *Bangsamoro Islamic Freedom Fighters* (BIFF) и *Abu Sayyaf rebels* выразили свое желание сражаться на стороне ИГ, что было задокументировано на видео, выложенном исламистами на *YouTube* (Shay 2014). Затем в ноябре 2014 г. несколько индонезийских исламистских террористических группировок принесли присягу ИГ и через год сформировали альянс *Jamaah Ansharut Daulat* (JAD) (Arianti, Singh 2015). Его целью было налаживание коммуникации между индонезийскими бойцами в Сирии и силами, лояльными ИГ в Индонезии. В течение 2014 г. Малайзия также столкнулась с угрозой утечки своих граждан в ИГ (Aslam 2009; Aslam, Mizan 2009; Shah 2006). Группа задержанных летом 2014 г. в Малайзии утверждала о формировании юго-восточного халифата, в который должны были входить Филиппины, Индонезия, Малайзия, Сингапур и Таиланд, а также рассказали о планах путешествия в Сирию для того, чтобы пройти обучение у боевиков ИГ (The Daily Star Newspaper 2014). Влияние «Исламского государства» испытывали и другие страны Азии: Китай, Таиланд и Индия. Однако в них террористическая активность проявлялась в меньшей степени, и мер по борьбе было предпринято сравнительно меньше, чем в странах с мусульманским большинством.

В 2015 и 2016 гг. террористические организации в Азии активизировались, что выразилось в волне терактов. В 2015 г. усилились военные формирования в Кашмире, которые производили атаки против индийских сил безопасности: нападение на автобус и отделение полиции в Гурдаспуре в 2015 г., нападение на военный аэропорт Патханкот, убийство сотрудников сил безопасности в Пемпоре в 2016 г. (Panda 2016). На Филиппинах череда терактов

была начата взрывами в автобусном парке в 2015 г., в результате которого был убит один человек и еще 40 были ранены. Крупный теракт в 2015 г. произошел в Таиланде: мощный взрыв прогремел на перекрестке Ратчапрасонг в деловой и туристической части города Бангкока. Террористические атаки в стране продолжились в 2016 г., когда на туристических курортах было произведено около восьми взрывов и четыре поджога. В январе 2016 г. террористы устроили стрельбу в центре Джакарты, в результате которой погибли четверо индонезийцев. Затем в июле 2016 г. произошел теракт в Куала-Лумпур, в результате которого пострадали 8 мирных граждан (см.: Avriel 2016; Beittel, Sullivan 2016; Cordesman 2016; Gunaratna 2016; Hegghammer 2016; D'Souza 2017; Dumitrascu 2016; IEP 2016; Zohar 2015).

Волна терактов, случившаяся в странах Азии, последовала за волной политических протестов и способствовала усилению социально-политической дестабилизации в регионе. Тема эха Арабской весны в Азии рассматривалась исследователями с разных сторон: подчеркивались и особенности заимствований тактик проведения протестов, и способы коммуникации. Но стоит отметить, что обращений к успехам выступлений в Арабских странах в рассматриваемом регионе было немного, протесты отличались тем, что фокусировались в основном на внутренней повестке и историко-политических факторах. Недостаток исследований, изучающих прямую корреляцию всплеска протестных движений в Азии с событиями в Арабском регионе, вызывает необходимость более детально рассмотреть данный вопрос. При этом необходимо учитывать специфику региона и роль разных факторов, влияющих на дестабилизацию.

Количественный анализ социально-политической дестабилизации в Азии

Рассмотрим динамику общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных *CNTS* (Banks, Wilson 2020) в странах Азии³ (см. Рис. 1 и 2):

³ Без Ближнего и Среднего Востока.

Рис. 1. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных *CNTS* в странах Азии⁴ и арабском мире в 2000–2015 гг.

Наращение общего числа антиправительственных демонстраций в Азии шло с некоторым запозданием относительно Арабской весны, но в дальнейшем приняло значительные масштабы. Уже в 2012 г. Азия по этому показателю побилла локальный исторический рекорд; в 2013–2014 гг. число демонстраций несколько снизилось, оставаясь тем не менее на аномально высоких для Азии уровнях, а в 2015 г. Азия поставила еще один рекорд, при этом превзойдя весь остальной мир по числу протестных демонстраций.

Что касается массовых беспорядков, их рост наблюдался в Азии еще в 2011 г. Особенно сильным он был в 2012 г., продолжившись в 2013–2014 гг. При этом в 2014 г. Азия по этому показателю почти поставила свой локальный исторический рекорд, лишь немного не дотянув до исторического максимума 1967 г. (см. Рис. 2 и 3).

⁴ Без Ближнего и Среднего Востока.

Рис. 2. Динамика общего числа крупных массовых беспорядков, зафиксированных базой данных *CNTS* в странах Азии и арабском мире в 1995–2015 гг.

Кроме того, Азия внесла исключительно важный вклад в побитие в 2014 г. исторического рекорда по числу массовых беспорядков в мире (см. ниже Рис. 14).

Рост числа политических забастовок в Азии начался с запозданием на год, в 2012 г., и уже в этом году Азия поставила по этому показателю свой локальный исторический рекорд. Следующий рекорд был поставлен в 2013 г., а еще один – в 2015 г. (см. Рис. 3 и 4).

Рис. 3. Динамика общего числа крупных политических забастовок, зафиксированных базой данных *CNTS* в странах Азии и арабском мире в 1920–2015 гг.

Рис. 4. Динамика общего числа крупных политических забастовок, зафиксированных базой данных *CNTS* в странах Азии и арабском мире в 1995–2015 гг.

В исторический рекорд 2015 г. по глобальному числу политических забастовок Азия внесла уже самый большой вклад (см. ниже Рис. 15).

После 2012 г. в Азии очень заметно (в пять раз) выросло и общее число терактов (см. Рис. 5 и 6).

Рис. 5. Динамика общего числа крупных террористических актов, зафиксированных базой данных *CNTS* в странах Азии и арабском мире в 1920–2015 гг.

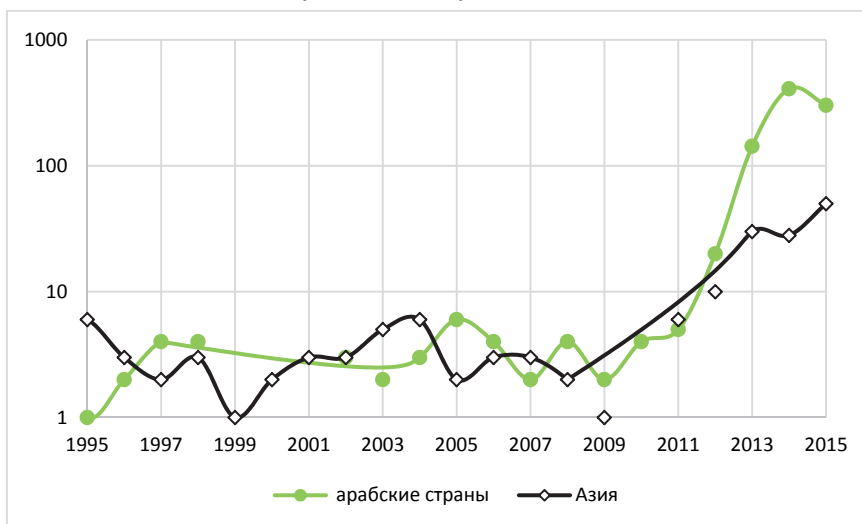

Рис. 6. Динамика общего числа крупных террористических актов, зафиксированных базой данных *CNTS* в странах Азии и арабском мире в 1990–2015 гг.

Если говорить о крупных террористических актах, то их рост в Азии начался еще после 2007 г. Также виден тренд роста вслед за Арабской весной после 2011 г., что также может быть связано с усилением ИГИЛ (см. Рис. 7 и Рис. 8)

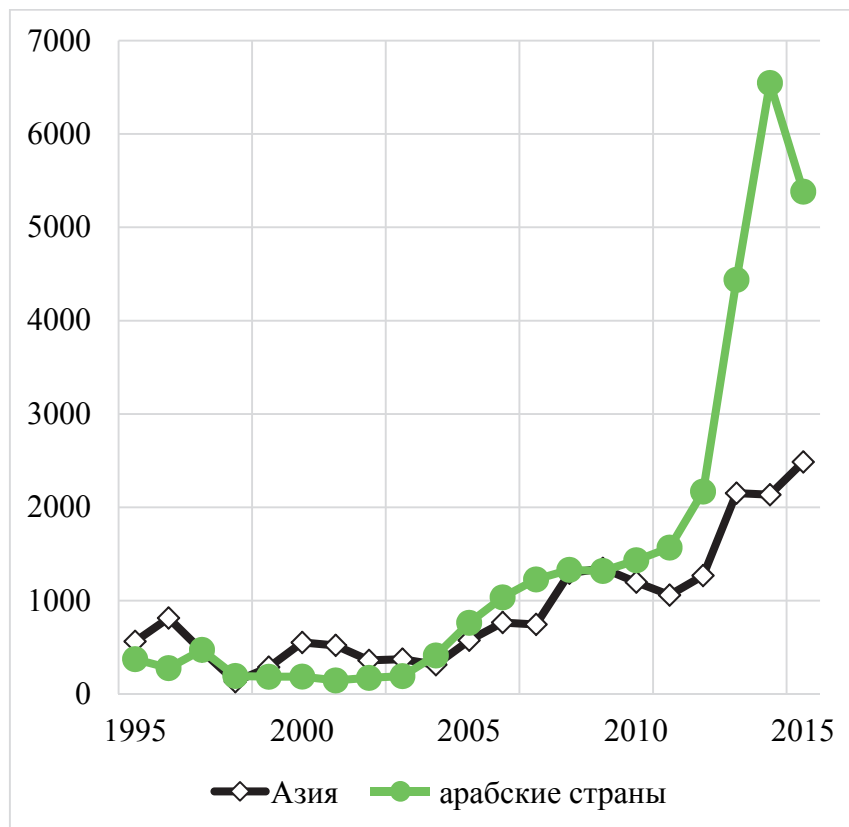

Рис. 7. Динамика общего числа террористических актов, зафиксированных базой данных *Global Terrorism Database (START 2020)* в странах Азии и арабском мире в 1995–2015 гг.

Более того, тренд нарастания количества террористических актов в Азии (Рис. 8) подтверждает гипотезу о том, что Арабская весна имела двойное эхо – первое в 2011 г., а второе в 2014 г.

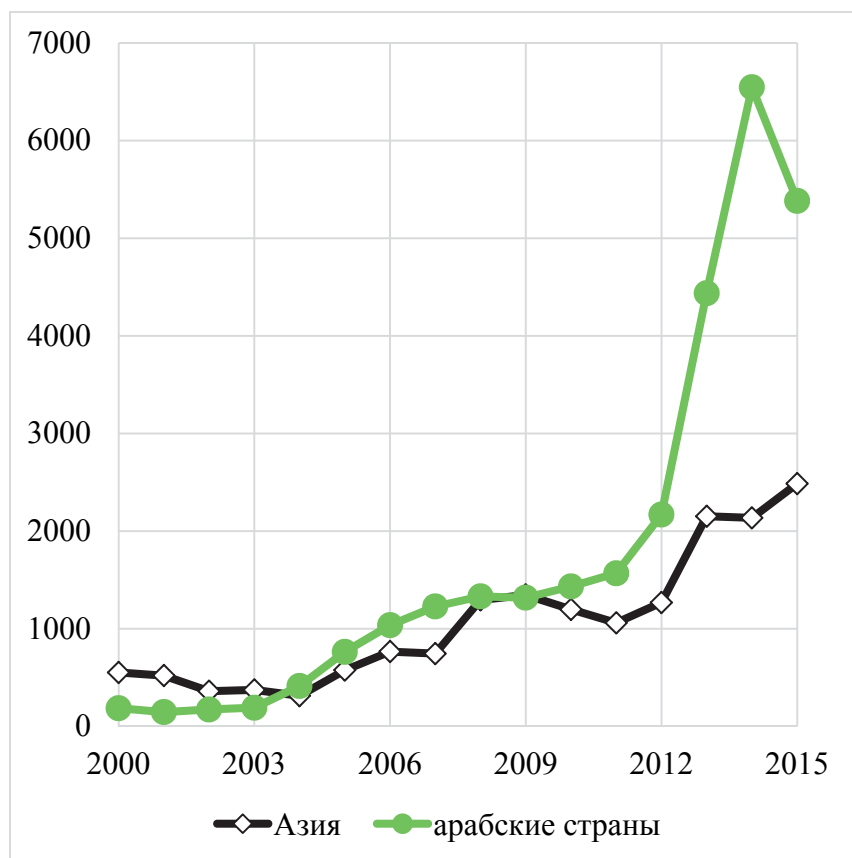

Рис. 8. Динамика общего числа террористических актов, зафиксированных базой данных *Global Terrorism Database (START 2020)* в странах Азии и арабском мире в 2000–2015 гг.

Остановимся наконец на факторах рассматриваемой дестабилизационной волны. При рассмотрении социально-экономических параметров видно (см. Рис. 9), что в отличие от Арабской весны в протестах в Азии фактор безработицы не сыграл весомой роли, так как в странах Азии и Тихого океана безработица была на уровне 2,7 % и 3,7 % соответственно, что является относительно низким уровнем.

Рис. 9. Уровень безработицы в Восточной Азии и странах Тихого океана, % от рабочей силы, средние значения, 2000–2014 гг.

Источник: World Bank 2020.

То же самое можно сказать и про мировых экономических гигантов в лице Индии и Китая, для которых в 2011 г. не произошло резкого скачка количества безработных (см. Рис. 10). Хотя в Индии видно небольшое увеличение доли безработных, нельзя сделать более точных выводов ввиду отсутствия ежегодных данных.

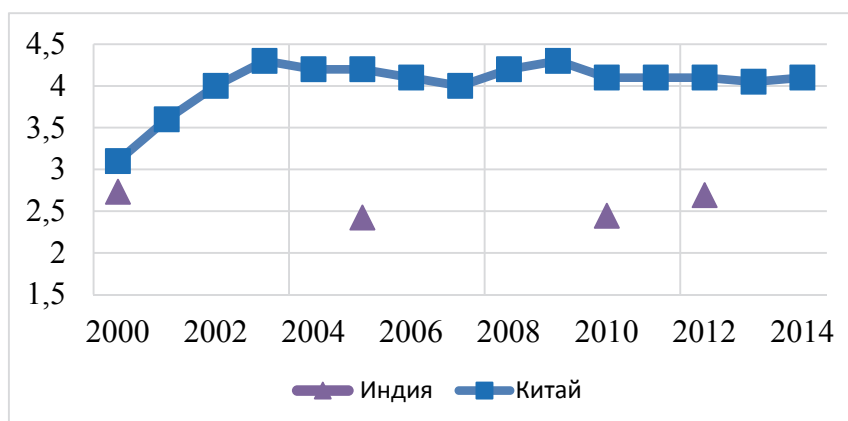

Рис. 10. Уровень безработицы в Индии и Китае, % от рабочей силы, средние значения, 2000–2014 гг.

Источник: World Bank 2020.

Говоря об экономических факторах, которые могли спровоцировать усиление эха Арабской весны в странах Азии, нельзя не упомянуть о приросте ВВП, который отражает экономическую ситуацию в том или ином регионе. Как следует из графика (Рис. 11), в Южной и Восточной Азии, а также в странах Тихого океана было небольшое замедление прироста ВВП в сравнении с международным кризисом 2008 г., однако уровень прироста остается высоким.

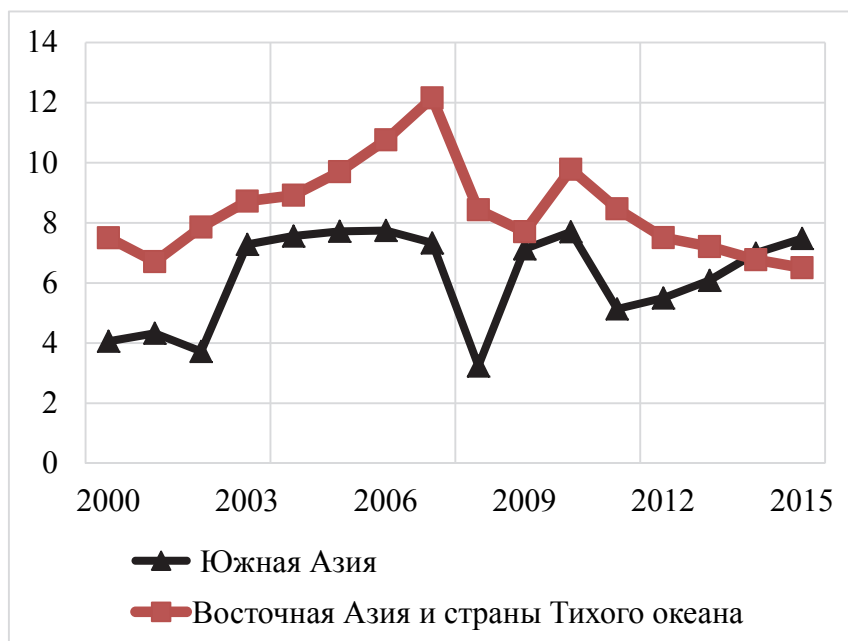

Рис. 11. Прирост ВВП на душу населения в международных долларах в странах Южной Азии, 2000–2015 гг.

Источник: World Bank 2020.

С другой стороны, очень важным фактором представляется так называемая инфляция, которая выражается в повышении цен на сельскохозяйственные продукты. Как видно из графика (см. Рис. 12), во всем мире в 2010–2011 гг. наблюдался стремительный рост цен на сельскохозяйственные продукты, что в целом является дестабилизирующим фактором.

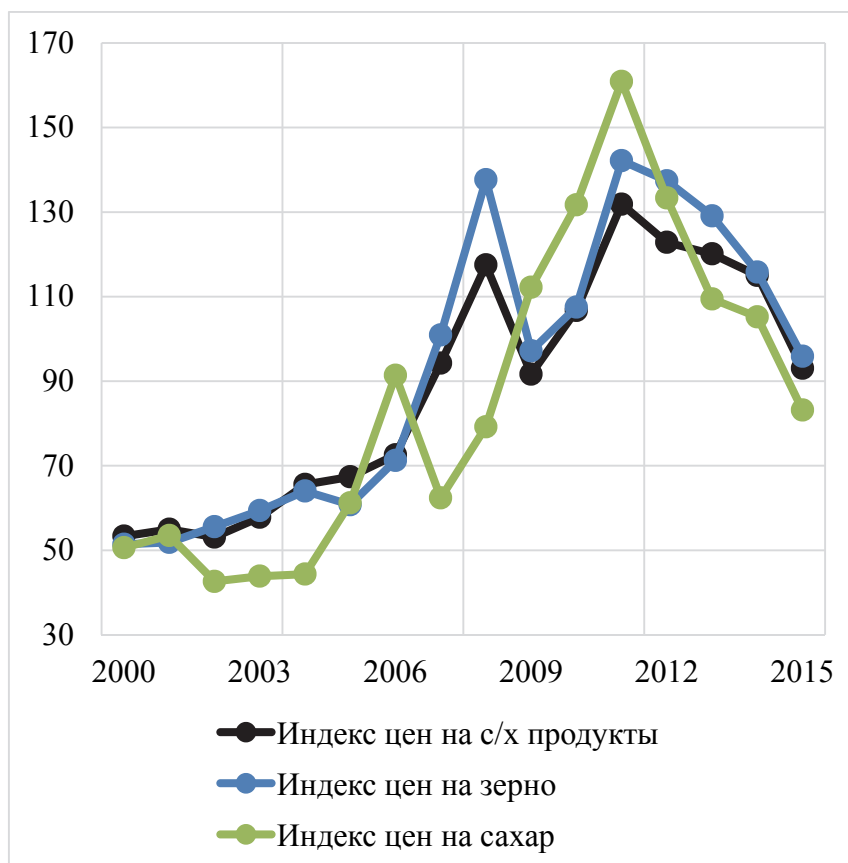

Рис. 12. Ежегодный индекс цен на сельскохозяйственные продукты, 2000–2015 гг.

Источник: FAO 2019.

Вклад стран Азии в глобальную дестабилизационную волну: сводный анализ

Рассмотрим теперь сравнительный вклад стран Азии в запущенную Арабской весной глобальную дестабилизационную волну. На диаграмме видно, какие мир-системные зоны внесли основной вклад в побитие рекордов по глобальному числу крупных антиправительственных демонстраций в 2011 г. (см. Рис. 13).

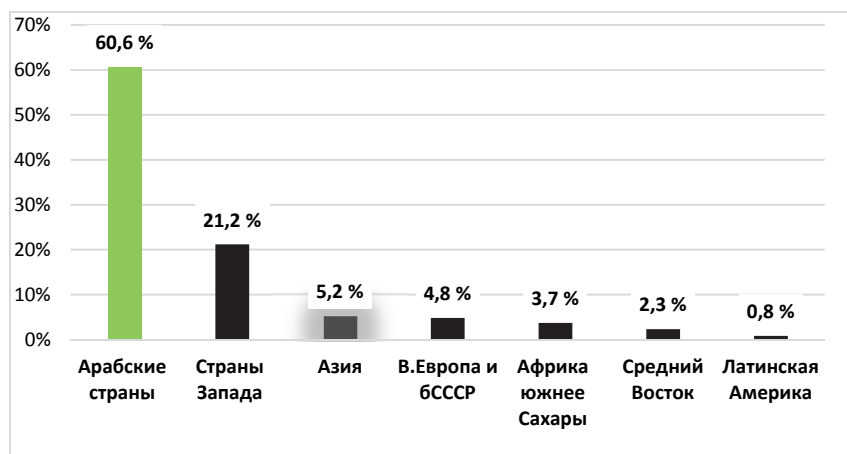

Рис. 13. Вклад различных макрозон Мир-Системы в глобальную дестабилизацию 2011 г. (антиправительственные демонстрации)⁵

Очевидно, что основной вклад здесь принадлежит арабским странам, однако нельзя не заметить и ощутимое, относительно других регионов, участие стран Азии.

Похожая ситуация наблюдалась и по показателю числа массовых беспорядков (см. Рис. 14 и 15). Однако в данном случае вклад стран Запада был заметно ниже (хотя все равно очень высоким), а вклад Африки южнее Сахары и Азии – заметно выше, чем мы могли наблюдать применительно к антиправительственным демонстрациям.

⁵ Расчеты, на основании которых нами были подготовлены Рис. 13–19, представлены нами ниже в Приложении 1 (Табл. 5–11).

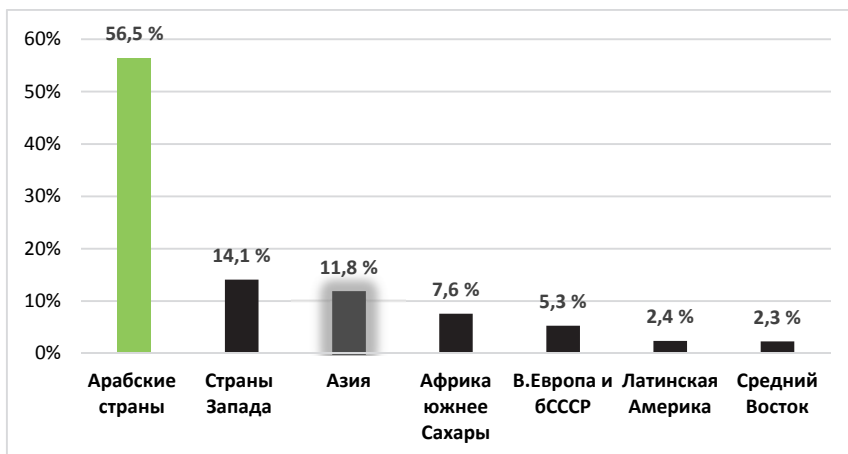

Рис. 14. Вклад различных макрозон Мир-Системы в глобальную дестабилизацию 2011 г. (массовые беспорядки)

Применительно к количеству политических забастовок, наибольший вклад был внесен странами Запада и арабскими странами, тогда как Азия снова оказалась на третьем месте (см. Рис. 15).

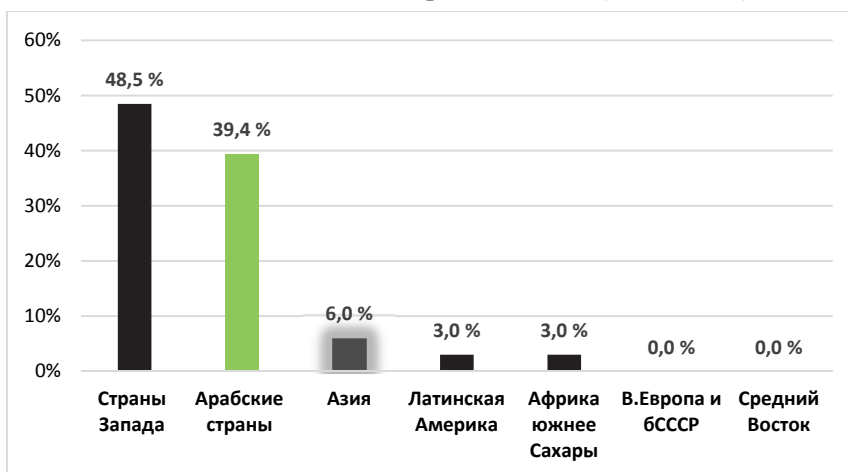

Рис. 15. Вклад различных макрозон Мир-Системы в глобальную дестабилизацию 2011 г. (политические забастовки)

Примечательно, что в последовавший за 2011 г. дальнейший рост глобального числа антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок арабские страны уже практически никакого реального вклада не внесли. Роль лидера здесь перешла к другим мир-системным зонам.

Так, в достижение в 2015 г. пикового (исторически рекордного) значения по числу крупных антиправительственных демонстраций главный вклад внесли именно страны Азии⁶, на которые пришлось более 30 % от общего числа демонстраций (Рис. 16).

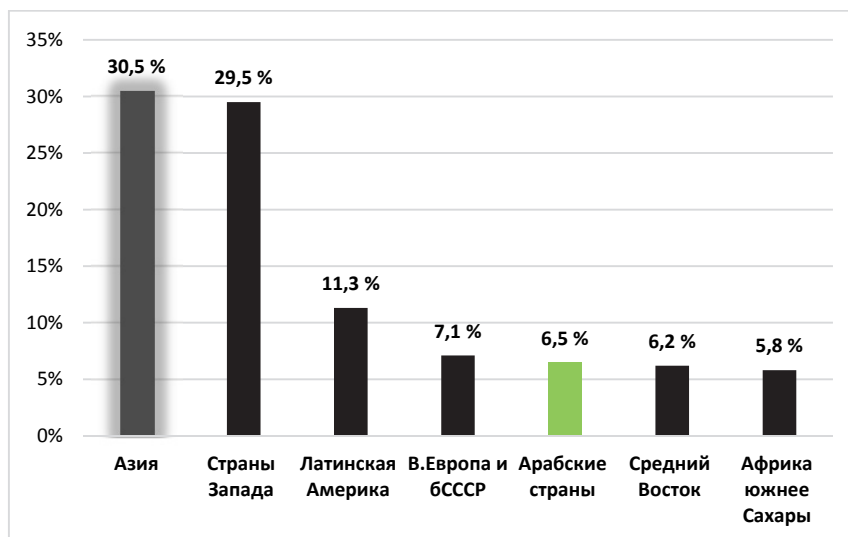

Рис. 16. Вклад различных мир-системных зон в достижение глобальным числом крупных антиправительственных демонстраций в 2015 г. пикового (исторически рекордного) значения

Аномально высокое (в сравнении с периодом до 2011 г.) число крупных антиправительственных демонстраций было отмечено в 2015 г. и в других мир-системных зонах, каждая из которых внесла пусть и не столь большой, как страны Азии, Запада и Латинской Америки, но достаточно заметный вклад.

⁶ Напомним, что в агрегат «страны Азии» не включены страны Ближнего и Среднего Востока, входящие в особые агрегаты.

Еще более ровную картину мы видим применительно к вкладу различных мир-системных зон в общее количество массовых беспорядков в 2014 г. (см. Рис. 17). Здесь стоит также отметить значительный вклад азиатских стран, которые оказались на втором месте после стран Запада.

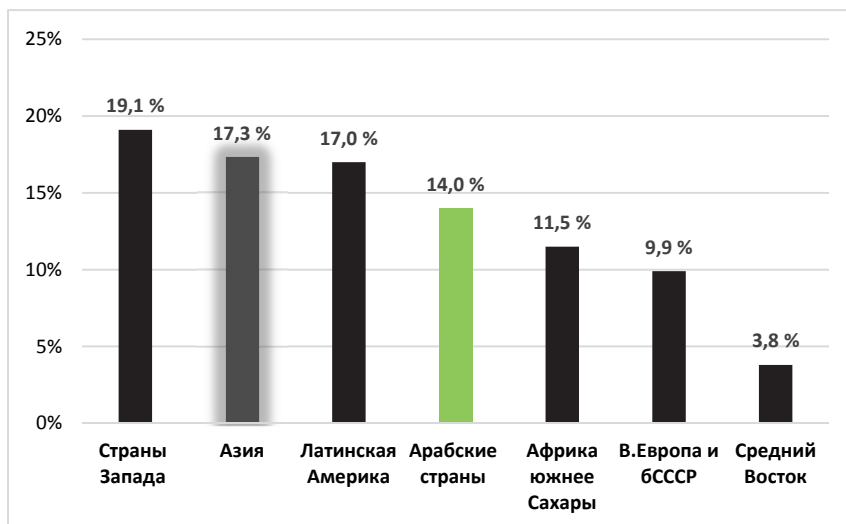

Рис. 17. Вклад различных мир-системных зон в достижение глобальным числом массовых беспорядков в 2014 г. пикового (исторически рекордного) значения

По глобальному числу крупных политических забастовок в 2015 г. разные мир-системные зоны внесли в высшей степени неравномерный вклад (см. Рис. 18). Как мы видим, основную роль здесь сыграли страны Азии, сконцентрировавшие на своей территории практически половину от числа всех политических забастовок за 2015 г.

Рис. 18. Вклад различных макрозон Мир-Системы в достижение глобальным числом политических забастовок в 2015 г. пикового (исторически рекордного) значения

Как мы видим, в отношении таких показателей, как глобальное число демонстраций, беспорядков и забастовок, различные мир-системные зоны внесли неравномерный вклад в глобальную дестабилизационную волну. В 2011 г. арабские страны сыграли главную роль в росте глобального числа демонстраций и беспорядков, а также в росте глобального числа политических забастовок. Кроме этого важный вклад в рост глобального числа демонстраций и массовых беспорядков внесли страны Запада. Однако в дальнейшем росте глобального числа демонстраций, беспорядков и забастовок роль арабских стран снижалась, тогда как влияние стран Азии росло. Если быть точнее, страны Азии внесли наибольший вклад в достижение глобальным числом политических забастовок и крупных антиправительственных демонстраций в 2015 г. пикового значения. За Азией расположились страны Запада и Латинская Америка.

Совсем другую картину мы наблюдаем применительно к произошедшему после 2011 г. взрывообразному росту числа зафиксиро-

рованных системой *CNTS* крупных терактов / «партизанских действий» (см. Рис. 19).

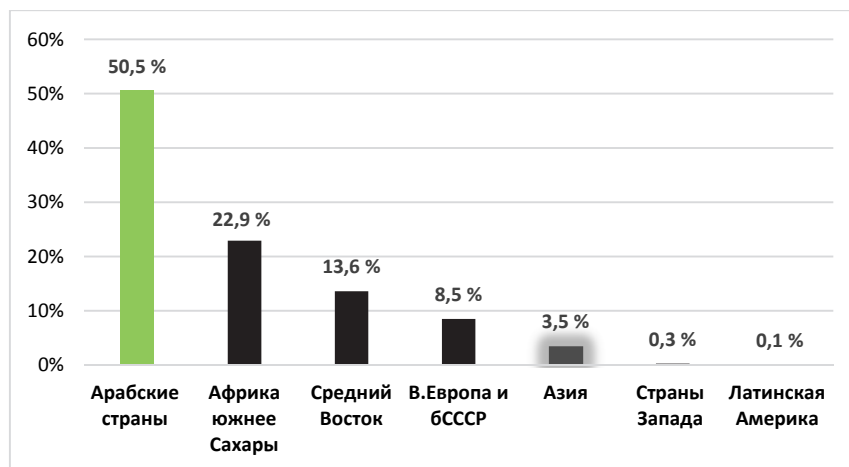

Рис. 19. Вклад различных макрозон Мир-Системы в достижение глобальным числом террористических актов / «партизанских действий» в 2014 г. пикового (исторически рекордного) значения

Очевидно, что здесь мы имеем дело с существенно иной картиной. Если главный вклад в выход в 2014–2015 гг. на исторически рекордные уровни глобального числа демонстраций, беспорядков и забастовок внесли страны Запада, Азии и Латинской Америки, а вклад стран арабского мира, Африки южнее Сахары и Ближнего Востока был в высшей степени скромным, то относительно терактов / «партизанских действий» на первое место вышли как раз страны арабского мира, Африки южнее Сахары и Ближнего Востока.

Здесь прослеживается примечательная закономерность – те мир-системные зоны, которые внесли в 2014 г. минимальный вклад в глобальное количество терактов / «партизанских действий», показали в 2014–2015 гг. исторически рекордные значения по числу протестных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок. Речь идет о странах Азии (за исключением Ближнего

Востока), Латинской Америки и Запада⁷. И наоборот – те мир-системные зоны, которые внесли в 2014 г. максимальный вклад в исторически рекордное глобальное количество терактов / «партизанских действий», показали скромные результаты по числу протестных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок.

Таким образом, волна социально-политической дестабилизации, запущенная событиями Арабской весной, привела к значительному росту нестабильности в Азиатском регионе. Всплеск числа демонстраций и протестов в Азии пришелся на 2012–2013 гг. После 2013 г. это число не уменьшалось, а к 2015 г. продолжало расти. В итоге гипотеза исследования о влиянии Арабской весны на Азию подтвердилась, показав, что эхо Арабской весны распространилось и на далекие от арабских стран регионы.

Заключение

Запущенная Арабской весной глобальная волна социально-политической дестабилизации привела в 2011–2015 гг. к очень значительному росту социально-политической нестабильности во всех без исключения мир-системных зонах. Однако проявилась эта волна в разных регионах по-разному и не вполне синхронно.

Проведенный анализ позволяет утверждать о двух волнах эха Арабской весны в Азии, которые проявлялись с некоторым запозданием. Первая волна наблюдалась с 2011 г. и выразилась во взрывообразном росте преимущественно политических забастовок. По их числу Азия уже в 2012 г. побила все предыдущие исторические рекорды, зафиксированные в период с 1980-х по 2000-е. Число антиправительственных демонстраций, выраженных в основном мирными выступлениями, колебалось: медленный рост с 2011 г., достижение исторического пика уже к 2012 г., снижение в 2014 г., а затем вновь скачкообразный рост в 2015 г. При этом в сам год Арабской весны рост числа зафиксированных крупных антиправительственных демонстраций и политических забастовок был довольно незначительным: до уровня 1980-х гг. ему было далеко.

⁷ Впрочем, как мы видим, начиная с конца 2015 г. волна террористических актов стала подниматься и на Западе. Вспомним, что и в арабском мире волна террористических актов поднялась с заметным запаздыванием относительно волны демонстраций, беспорядков и забастовок.

В свою очередь, число зафиксированных в Азии массовых беспорядков только в 2014 г. превзошло до этого рекордные уровни 1980-х, но не конца 1960-х гг. Таким образом, Арабская весна в 2011 г. срезонировала в Азии преимущественно в виде политических забастовок, что сопровождалось и ростом антиправительственных демонстраций, которые иногда перерастали в массовые беспорядки. Однако массовые беспорядки в 2012–2015 гг. связать непосредственно с Арабской весной достаточно сложно, здесь, скорее, следует руководствоваться внутренней логикой развития стран Азии, преодолевающих общий дестабилизирующий фактор в виде агфляции и ряд иных факторов.

Можно предположить, что внутренние социально-экономические причины в Азии не играли главной роли в распространении политической нестабильности в год Арабской весны, так как в 2010–2011 гг. в данном регионе наблюдался восстановительный экономический рост. Именно с 2011 г. уровень безработицы начинает снижаться и практически достигает показателей начала 2000-х гг.. Соответственно, с учетом имеющихся в нашем распоряжении данных о прямом воздействии событий Арабской весны на протестную активность в Азии, увеличение количества зафиксированных в 2011 г. системой *CNTS* политических забастовок, антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков можно связать именно с внешними факторами, такими как влияние Арабской весны. Начиная с 2012 г. протестное движение в Азии приобрело собственную логику и продолжалось на достаточно высоком уровне, достигая пика в 2013 г., а затем в 2015 г., несмотря на исчезновение «арабского импульса». Определенный вклад в сохранение высокого уровня протестной активности в Азии с 2012 г. внесли фактор инерции и «автокаталитический эффект», то есть эффект «заражения» между странами региона, основной импульс для которого был дан Китаем и Индией. Стоит отметить, что в Индии эхо пришло с запозданием и стало продолжением антикоррупционных протестов в 2011 г. Таким образом, события в Индии можно описать как слабое эхо Арабской весны, которое тем не менее имело влияние на другие страны в регионе.

Вторая волна эха Арабской весны в Азии наблюдалась с заметным временным лагом в 2014–2015 гг., однако террористические организации осуществляли свою деятельность уже с 2012 г. Одним из последствий Арабской весны оказался коллапс или резкое

ослабление нескольких достаточно эффективных авторитарных режимов, что привело к значительному усилению активности террористических организаций разного рода, стремительному росту их силы, влияния и эффективности организационных форм – в том числе, что очень важно для Азии, и в киберпространстве. Пик террористической активности в Азии был достигнут к 2015 г., однако сравнительно с арабскими странами, в которых произошел скачкообразный рост, он не был большим и не побил исторические рекорды 1970-х гг.

Библиография

- Васильев А. М. 2011. Цунами революций. *Азия и Африка сегодня* 3: 2–18.
- Васильев А. М., Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014. Военные вновь у власти? Выборы в Египте. *Азия и Африка сегодня* 10: 2–7.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Учитель.
- Ибрагим Н., Ионов А. В., Исаев Л. М. 2013. Ливийский кризис как особый компонент арабской весны. *Арабский мир после арабской весны* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД. С. 214–228.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16; 7(648): 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012. Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы* / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–40.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С. 2012. К прогнозированию динамики социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии: Ближний Восток *versus* Латинская Америка. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального разви-*

- тия / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 337–386.
- Мещерина К. В. 2016.** «Исламское государство» в Ливии. *Азия и Африка сегодня* 10: 21–26.
- Рогожина Н. Г. 2016.** «Исламское государство» – угроза безопасности стран Юго-Восточной Азии. *Мировая экономика и международные отношения* 60(2): 5–14.
- Abusharif I. N. 2014.** *Parsing “Arab Spring”*. Doha: Northwestern University in Qatar.
- Ahmed S., Jaidka K. 2013.** Protests Against #delhigangrape on Twitter: Analyzing India's Arab Spring. *eJournal of eDemocracy and Open Government* 5(1): 28–58.
- AlBattat A. R. S., Som A. P. M., Ghaderi Z. 2013.** The effect of the Arab spring revolution on the Malaysian hospitality industry. *International Business Research* 6(5): 92–99.
- Amnesty International. 2011.** Indonesia: Release Participants of Peaceful Gathering in Papua. *Amnesty International Index Number: ASA 21/033/2011* October 20. URL: <http://www.amnesty.org/en/library/info/ASA21/033/2011/en>.
- Areddy J. 2012.** Passengers Foil Hijacking Attempt in China. *Washington Post*. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303561504577496261385556558> (accessed: 24.06.2020).
- Arianti V., Singh J. 2015.** ISIS' Southeast Asia Unit: Raising the Security Threat. Singapore: Nanyang Technological University. *RSIS Commentaries* 220. URL: <https://hdl.handle.net/10356/80548>.
- Aslam M. M. 2009.** The Radical Islam in Southeast Asia: The Connections between the Malaysian Militant Group and Jemaah Islamiyah and Its Implications for Regional Security. *International Journal of the Humanities* 7(1): 113–122.
- Aslam M., Mizan M. 2009.** *A critical study of kumpulan militant Malaysia, its wider connections in the region and the implications of radical Islam for the stability of Southeast Asia*. Victoria University of Wellington. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/41339479.pdf>.
- Avriel G. 2016.** Terrorism 2.0: The Rise of the Civilitary Battlefield. *Harvard National Security Journal* 7: 199–239.
- Bakar O. 2012.** The Arab Spring: Malaysian Responses. *Islam and Civilizational Renewal (ICR Journal)* 3(4): 743–746.
- Banks A. S., Wilson K. 2020.** *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem, Israel: Databanks International. URL: <https://www.cntsdata.com/>.
- Beck C. 2014.** Reflections on the Revolutionary Wave in 2011. *Theory & Society* 2(43): 197–223.

- Beissinger M. R., Jamal A. A., Mazur K. 2015.** Explaining Divergent Revolutionary Coalitions. Regime Strategies and the Structuring of Participation in the Tunisian and Egyptian Revolutions. *Comparative Politics* 48(1): 1–24.
- Beittel J. S., Sullivan M. P. 2016.** *Latin America: Terrorism Issues. CRS Report*. Washington, DC: Congressional Research Service. URL: <https://fas.org/sgp/crs/terror/RS21049.pdf>.
- Bogaert K. 2013.** Contextualizing the Arab revolts: The politics behind three decades of neoliberalism in the Arab world. *Middle East Critique* 22(3): 213–234.
- Byatnal A., Joshi S. 2012.** Four Low-intensity Blasts in Pune; One Injured. *The Hindu*. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/other-states/four-low-intensity-blasts-in-pune-one-injured/article3713166.ece>.
- Castells M. 2012.** Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. *Cambridge: John Wiley & Sons*.
- Chauhan N. 2012.** Cops name Iran Military Arm for Attack on Israeli Diplomat. *The Times of India*. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/delhi/Cops-name-Iran-military-arm-for-attack-on-Israeli-diplomat/articleshow/15263013.cms>.
- Ciorciari J. D., Weiss J. C. 2016.** Nationalist Protests, Government Responses, and the Risk of Escalation in Interstate Disputes. *Security Studies* 25(3): 546–583.
- Clemm W. 2011.** The Flowering of an Unconventional Revolution. *South China Morning Post. International Edition*. URL: <https://web.archive.org/web/20110305133754/http://topics.scmp.com/news/china-news-watch/article/The-flowering-of-an-unconventional-revolution>.
- CNN. 2013.** Is This the Start of India's 'Arab Spring'? *CNN*. URL: <http://globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2013/01/07/is-this-the-start-of-indias-arab-spring/>.
- CNTS. 2016.** Cross-National Time Series Data Archive Coverage. *Databank International*. URL: <http://www.databanksinternational.com>.
- Coll S. 2012.** *Private empire: ExxonMobil and American power*. New York: Penguin Books.
- Cordesman A. 2016.** *The Uncertain Trends and Metrics of Terrorism in 2016*. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies. URL: https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/161107_Terrorism_Metrics_Survey.pdf.
- D'Souza S. M. 2017.** Countering Insurgencies, Terrorism and Violent Extremism in South Asia. *Small Wars & Insurgencies* 28(1): 1–11.
- Dewan R. 2014.** A look back at Occupy Baluwatar. *The Kathmandu Post* (accessed: 20.06.2020).

- Dumitrascu A. 2016.** El radicalismo islámico en América Latina. De Hezbolá al Daesh. *IEEE Opinion. Instituto Español de Estudios Estratégicos*. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_opinion/2016/DIEEEO121-2016_Islam_A.Dumitrascu.pdf.
- Fallows J. 2011.** Arab Spring, Chinese winter. *The Atlantic*. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2011/09/arab-spring-chinese-winter/8601/>.
- FAO (Food and Agriculture Organization of the United States). 2019.** Monthly Real Food Price Indices. URL: <http://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/>
- Goldstone J. 2011.** Understanding the Revolutions of 2011. *Foreign Affairs* 3(90): 8–16.
- Goldstone J. 2014a.** Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What unites them? *Russia Direct*. URL: <http://www.russia-direct.org/analysis/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>.
- Goldstone J. 2014b.** *Revolutions: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Grinin L., Korotayev A. 2011.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Does “Arab Spring” Mean The Beginning Of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.
- Gunaratna R. 2016.** Ivory Coast Attack: Africa’s Terror Footprint Expands. *Counter Terrorist Trends and Analysis* 8(6): 14–17.
- Gunitsky S. 2014.** From Shocks to Waves: Hegemonic Transitions and Democratization in the Twentieth Century. *International Organization* 68(3): 561–597.
- Gunitsky S. 2018.** Democratic waves in historical perspective. *Perspectives on Politics* 16(3): 634–651.
- Hammond J. L. 2015.** The Anarchism of Occupy Wall Street. *Science & Society* 79(2): 288–313.
- Harris G., Kumar H. 2015.** Clashes Break out in India at a Protest over a Rape Case. *The New York Times*. URL: <http://www.nytimes.com/2012/12/23/world/asia/in-india-demonstrators-and-police-clash-at-protest-over-rape.html>.
- Hegghammer T. 2016.** The Future of Jihadism in Europe: A Pessimistic View. *Perspectives on Terrorism* 10(6): 156–170.
- Hess S. 2013.** From the Arab Spring to the Chinese Winter: The Institutional Sources of Authoritarian Vulnerability and Resilience in Egypt, Tunisia, and China. *International Political Science Review* 34(3): 254–272.
- Hille K. 2011.** “Jasmine Revolutionaries” Call for Weekly China Protests. *The Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/3ac349d0-3efe-11e0-834e-00144feabdc0#axzz2ExaYiEYN>.

- Ho M. S. 2015.** Occupy Congress in Taiwan: Political Opportunity, Threat, and the Sunflower Movement. *Journal of East Asian Studies* 15(1): 69–97.
- Holmes A. 2012.** There Are Weeks When Decades Happen: Structure and Strategy in the Egyptian Revolution. *Mobilization: An International Quarterly* 17(4): 391–410.
- Howard P. N., Hussain M. M. 2013.** *Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring*. New York: Oxford University Press.
- Huat C. B. 2017.** Introduction: Inter-referencing East Asian Occupy Movements. *International Journal of Cultural Studies* 20(2): 121–126.
- IEP. 2016.** Terrorism in OECD Countries. *The Institute for Economics and Peace (IEP)*. URL: <https://cdn.tspace.gov.au/uploads/sites/98/2016/10/ARPC-IEP-Terrorism-in-OECD-countries-FINAL.pdf>.
- Jalalzai M. K. 2015.** *The Prospect of Nuclear Jihad in Pakistan: The Armed Forces, Islamic State, and the Threat of Chemical and Biological Terrorism*. New York: Algora Publishing.
- Kaung B. 2011.** Burmese Attempt Own 'Facebook Revolution'. *The Irrawaddy*. URL: https://web.archive.org/web/20110305011551/http://www.irrawaddy.org/article.php?art_id=20859.
- Kavada A. 2017.** Social Movements and the Global Crisis: Organising Communication for Change. *Westminster Papers in Communication and Culture* 12(1): 15–16.
- Kerton S. 2012.** Tahrir, Here? The Influence of the Arab Uprisings on the Emergence of Occupy. *Social Movement Studies* 11(3–4): 302–308.
- Khoo Y. H. 2014.** Mobilization Potential and Democratization Processes of the Coalition for Clean and Fair Elections (Bersih) in Malaysia: An Interview with Hishamuddin Rais. *Austrian Journal of South-East Asian Studies* 7(1): 111–120.
- Kim H. 2011.** North Korea Threatens to attack South Korea, US. *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/02/26/AR2011022604127.html>.
- Koesel K. J., Bunce V. J. 2013.** Diffusion-Proofing: Russian and Chinese Responses to Waves of Popular Mobilizations against Authoritarian Rulers. *Perspectives on Politics* 11(3): 753–768.
- Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A. 2013.** Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring Events. *Central European Journal of International and Security Studies* 7(4): 28–58.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A. 2014.** The Arab Spring. A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly* 36(2): 149–169.

- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A. 2016.** Egyptian Coup of 2013: an 'Econometric' Analysis. *The Journal of North African Studies* 21(3): 341–356.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011.** Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Clodynamics* 2(2): 276–303.
- Kumar S. S., Jacobsen E. K. U. 2016.** Cultures of Peace in India: Local Visions, Global Values and Possibilities for Social Change. *Peaceworks* 1(6): 1–13.
- Kumaraswamy A., Mudambi R., Saranga H., Tripathy A. 2012.** Catch-up Strategies in the Indian Auto Components Industry: Domestic Firms' Responses to Market Liberalization. *Journal of International Business Studies* 43(4): 368–395.
- Lang J., De Sterck H. 2014.** The Arab Spring: A Simple Compartmental Model for the Dynamics of a Revolution. *Mathematical Social Sciences* 69: 12–21.
- Lefevre R. 2014.** Is the Islamic State on the Rise in North Africa? *The Journal of North African Studies* 19(5): 852–856.
- Mason M. 2011.** Vietnam Dissident Detained for Revolution Calls. *The Associated Press*. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/02/28/AR2011022800803.html>.
- Mercurynews.com. 2011.** China Cracks down on Call for 'Jasmine Revolution'. *Mercurynews.com* February 19. URL: <https://www.mercurynews.com/2011/02/19/china-cracks-down-on-call-for-jasmine-revolution/>.
- Montuori A. 2013.** Creativity and the Arab Spring. *East-West Affairs* 1: 30–47.
- Moore E. 2012.** Was the Arab Spring a Regional Response to Globalization? *E-International Relations*. URL: <http://www.e-ir.info/2012/07/02/was-the-arab-spring-a-regional-response-to-globalisation/>.
- Nepstad S. E. 2011.** Nonviolent Resistance in the Arab Spring: The Critical Role of Military-Opposition Alliances. *Swiss Political Science Review* 17(4): 485–491.
- Nigam A. 2012.** The Arab Upsurge and the 'Viral' Revolutions of Our Time. *Interface: a Journal for and about Social Movements* 4(1): 165–177.
- Oman-Reagan M. P. 2013.** *Occupying Cyberspace: Indonesian Cyberactivists and Occupy Wall Street*. Doctoral dissertation for the degree of Master of Arts in Anthropology. New York: The City University of New York.

- Ortmann S. 2015.** The Umbrella Movement and Hong Kong's Protracted Democratization Process. *Asian Affairs* 46(1): 32–50.
- Panda A. 2016.** Gurdaspur, Pathankot, and Now Uri: What Are India's Options? *The Diplomat* September 19. URL: <https://thediplomat.com/2016/09/gurdaspur-pathankot-and-now-uri-what-are-indias-options/>.
- Postill J. 2014.** A Critical History of Internet Activism and Social Protest in Malaysia, 1998–2011. *Asiascape: Digital Asia* 1(1–2): 78–103.
- Radue M. 2012.** The Internet's Role in the Bersih Movement in Malaysia – A Case Study. *International Review of Information Ethics* 18: 60–70.
- Roughneen S. 2012.** Muslim Militants in South Thailand Growing Stronger. *Christian Science Monitor*. URL: <http://www.csmonitor.com/World/Asia-Pacific/2012/0401/Muslim-militants-in-south-Thailand-growing-stronger>.
- Saito H. 2012.** The Fukushima Disaster and Japan's Occupy Movement. *Possible Futures*. URL: <http://www.possible-futures.org/2012/02/28/fukushima-disaster-japans-occupy-movement/>.
- Salam E. A. A. 2015.** The Arab Spring: Its Origins, Evolution and Consequences... four Years on. *Intellectual Discourse* 23(1): 119–139.
- Sattar M. 2012.** Maldives coup: Mohamed Nasheed, Godfather of the Arab Spring, Falls from Grace. *The World Global Post* February 15. URL: <https://www.pri.org/stories/2012-02-15/maldives-coup-mohamed-nasheed-godfather-arab-spring-falls-grace>.
- Schumacher M. J., Schraeder P. J. 2019.** Does Domestic Political Instability Foster Terrorism? Global Evidence from the Arab Spring Era (2011–2014). *Studies in Conflict & Terrorism* 42: 1–25.
- Sergi V., Vogiatzoglou M. 2014.** Think Globally, Act Locally? Symbolic Memory and Global Repertoires in the Tunisian Upruity Mobilizations. *Understanding European Movements: New Social Movements, Global Justice Struggles, Anti-austerity Protest* / Ed. by C. F. Fominaya, L. Cox. London: Routledge. Pp. 220–235.
- Shah H. 2006.** *Terrorism in Malaysia: An Investigation into Jemaah Islamiah*. Unpublished PhD thesis. Exeter: University of Exeter.
- Shay S. 2014.** The Islamic State and its Allies in Southeast Asia. *International Institute for Counter-Terrorism*. URL: <http://www.ict.org.il/Article/1238/The-Islamic-State-and-its-Allies-in-Southeast-Asia#gsc.tab=0>.
- Skinner J. 2011.** Social Media and Revolution: The Arab Spring and the Occupy Movement as Seen through Three Information Studies Paradigms. *Working Papers on Information Systems* 11(169): 2–26.
- Slaughter A. M. 2011.** Occupy Wall Street and the Arab Spring. *The Atlantic*. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/10/occupy-wall-street-and-the-arab-spring/246364/>.

- START [National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism]. 2020.** *Global Terrorism Database*. College Park: University of Maryland. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd>.
- Sternberg T. 2012.** Chinese Drought, Bread and the Arab Spring. *Applied Geography* 34: 519–524.
- The Daily Star Newspaper. 2014.** Malaysia ‘Foiled’ Attack Plots by ISIS-Inspired Militants. *The Daily Star Newspaper* August 20. URL: <https://www.dailystar.com.lb/News/Middle-East/2014/Aug-20/267773-malaysia-foiled-attack-plots-by-isis-inspired-militants.ashx>.
- Vandenbrink R. 2014.** Anti-China Protests in Vietnam Turn Deadly. *Radio Free Asia*. URL: <https://www.refworld.org/docid/5391ba0a14.html> (accessed: 22.06.2020).
- Weiss M., Hassan H. 2016.** *ISIS: Inside the Army of Terror*. 2nd ed. New York: Regan Arts.
- Werbner P., Webb M., Spellman-Poots K. 2014.** *The Political Aesthetics of Global Protest: the Arab Spring and Beyond*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Weyland K. 2012.** The Arab Spring: Why the Surprising Similarities with the Revolutionary Wave of 1848? *Perspectives on Politics* 10(4): 917–934.
- Wilson A. 2013.** On the Margins of the Arab Spring. *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice* 57(2): 81–98.
- Wolf A. 2013.** An Islamist ‘Renaissance’? Religion and Politics in Post-revolutionary Tunisia. *The Journal of North African Studies* 18(4): 560–573.
- Wong E. 2012.** Violence in Western China Leaves 20 Dead. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2012/03/01/world/asia/violence-in-western-china-leaves-12-dead.html>.
- Wongruang P. 2012.** Suspects partied in Pattaya. *Bangkok Post*. URL: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/280201/suspects-partied-in-pattaya>.
- World Bank. 2020.** Labor force participation rate, female (% of female population ages 15+) (modeled ILO estimate). *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.CACT.FE.ZS>.
- Yang J. 2011.** North Korea Cranks Up War Rhetoric Over Propaganda, Drills. *Bloomberg.com*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2011-02-27/north-korea-warns-of-military-response-against-south-over-leaflet-drops>.
- Zohar E. 2015.** The Arming of Non-State Actors in the Gaza Strip and Sinai Peninsula. *Australian Journal of International Affairs* 69(4): 438–461.